

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ISSUES OF THE HISTORY OF PUBLIC THOUGHT

DOI 10.15826/izv2.2024.26.4.071
УДК 316.7(73)“1970/1980” + 355.292(597) +
+ 329.75 + 821.111-3(73):355.01

А. А. Сысолятин
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПОИСКИ ОБРАЗА МИРНОГО ВРЕМЕНИ В КУЛЬТУРЕ США 1970–1980-х гг.

Статья посвящена проблеме поиска образа мирного времени в культуре США 1970–1980-х гг. по итогам вьетнамской войны, нашедшей отражение в публичных дискуссиях между институциональными и контр-институциональными участниками. В центре нашего внимания окажутся попытки формирования языка и новых форм гражданского согласия в общественно-политической ситуации, для которой характерна неясность, какая из институций способна дать итоговое описание конфликта и его последствий для культуры США.

Концептуальной основой нашего анализа выступит различие институтов и контр-институтов, предложенное философом П. Бояничем. Ключевым элементом этого различия является представление о справедливом насилии. Институты устанавливают гражданский порядок на основе базового представления о справедливости, а контр-институты позволяют инкорпорировать в общеполитические формы жизни альтернативные точки зрения.

Мы покажем, что для официальных институтов США в указанный период времени была характерна программа восстановления государственного и военного престижа внутри страны. Правительство, выступая с критикой концепции «вьетнамского синдрома» и проводя политику героизации ветеранов Вьетнама, стремилось обеспечить возможность участия контингентов США в будущих военных кампаниях. Со стороны контр-институтов мы отметим стремление отделить себя от институциональных процессов на уровне государства и гражданского общества. Тексты «окопной прозы» о Вьетнаме выступают значимым свидетельством отсутствия артикулированного запроса на консолидацию и восстановление гражданского единства со стороны контр-институтов.

В итоге мы обнаруживаем, что обе стороны общественной дискуссии о результатах вьетнамской кампании в США не были заинтересованы в пересмотре базового

представления о справедливости. Для американской культуры 1970–1980-х гг. это означало, что неотрефлексированный опыт военного насилия оставался ее уязвимой стороной, не позволяющей выстраивать эффективные проекты мирной жизни.

Ключевые слова: мирная жизнь; постконфликтная культура; вьетнамский синдром; насилие; справедливость; контр-институт; окопная проза

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851 «Проектирование человека в постконфликтной ситуации: концепции, институции и практики» (<https://rscf.ru/project/23-18-00851/>)

Цитирование: *Сысолятин А. А.* Поиски образа мирного времени в культуре США 1970–1980-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 4. С. 232–246. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.071>

Поступила в редакцию: 25.08.2024

Принята к печати: 28.10.2024

Anton A. Sysolyatin

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

SEARCH FOR AN IMAGE OF PEACETIME IN THE AMERICAN CULTURE OF THE 1970s–1980s

This article discusses the search of an image of peacetime in the USA culture in the 1970s–1980s after the Vietnam War represented in the public debate between institutional and counter-institutional parties. The article focuses on the attempts to find a language of new forms of civil accord in the ambiguous sociopolitical situation, when it was unclear which institution was capable of formulating conclusive results of war conflict and its consequences for American culture.

The conceptual basis of the analysis consists in the distinction between institutes and counter-institutes developed by philosopher P. Bojanic. The key element of that distinction is the idea of fair violence. Institutions establish civil order and accord on the basis of an idea of justice, whereas counter-institutes make it possible to incorporate any alternative viewpoints into the common institutional forms of life.

The author demonstrates that public institutions of the USA in the period in question were concentrated on the rehabilitation of their state and military prestige within the country. The government criticised the conception of the Vietnam syndrome and conducted a policy of heroisation of Vietnam veterans in order to enable themselves to use military troops in future war campaigns. In the case of counter-institutes, the author points out the tendency to self-separation from institutional processes regarding state and civil society. The texts of “trench prose” about the Vietnam War act as significant evidence of the lack of articulated demand for consolidation and restoration of civic unity on the part of counter-institutions.

As a result, the analysis helps establish that both parts of public debate concerning the consequences of the Vietnam War were not interested in re-evaluating their baseline idea of justice. For American culture in the 1970s and 1980s, this meant that the under-reflected experience of war violence remained its vulnerable side, preventing it from constructing effective projects of peaceful life.

Key words: peacetime; post-conflict culture; Vietnam syndrome; violence; justice; counter-institute; trench prose

Acknowledgements

The research was conducted at the expense of a grant from the *Russian Science Foundation* 23-18-00851 “Recovering Humanity in a Post-conflict Situation: Concepts, Institutions, Practices” (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00851/>).

For citation: Sysolyatin, A. A. (2024). Poiski obraza mirnogo vremeni v kul'ture SShA 1970–1980-kh gg. [Search for an Image of Peacetime in the American Culture of the 1970s–1980s]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(4), 232–246. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.4.071>

Submitted: 25.08.2024

Accepted: 28.10.2024

Введение

В череде военных конфликтов, в которых участвовали контингенты США во второй половине XX в., война во Вьетнаме стоит особняком. Пожалуй, именно этот конфликт в наибольшей степени поляризовал американское общество. В напряженную полемику по поводу итогов войны во Вьетнаме, наряду с непосредственными участниками конфликта, были вовлечены различные политические агенты, представители академического сообщества, медицинских и психиатрических организаций, СМИ и другие общественные силы. Ветеранов, ставших от лица американского общества агентами насилия, необходимо было включить в порядок послевоенной жизни, сформировав язык общественного консенсуса по поводу справедливого характера применения силы в войне за рубежами Родины.

Разумеется, события вьетнамской войны достаточно широко описаны в исследовательской литературе. Эти тексты совокупно посвящены не только оценкам хода и итогов военной кампании, ревизии исторических предпосылок и внешнеполитических последствий военного конфликта, но также задают поле дискуссии о характере и перспективах самой американской цивилизации. Американская историография в этом вопросе выглядит неоднородной, глубоко укорененной в общественно-политической дискуссии.

Консерваторы на политической арене и в академическом сообществе (М. Банди, У. Колби, и др.) [Bundy; Colby, McCargar] связывали неутешительные итоги вьетнамской военной кампании с советским вмешательством

и ошибочными решениями демократической администрации, не сумевшей в достаточной степени консолидировать общество и донести до него цель участия американских войск в конфликте. Представители этого направления выступали противниками концепции «вьетнамского синдрома» и крайне негативно оценивали его интерпретацию в качестве общенациональной травмы, указывая на то, что подобная пораженческая риторика ослабляет и общество, и властные институты, подрывая уверенность рядовых граждан в американских идеалах и ценностях. К примеру, М. Банди подчеркивал прямую связь принятия концепции «вьетнамского синдрома» с ограничением возможностей участия американских контингентов при решении внешнеполитических задач [Bundy], а Н. Подгорец характеризовал позицию США по Вьетнаму как отчасти опрометчивую, но укорененную в благородных идеалах и импульсах, присущих американскому характеру. По его мнению, смотреть на воевавших во Вьетнаме следует как на тех, кто сражался не столько за политические интересы США, сколько за американские ценности и идеалы [Podhoretz]. Общая линия консерваторов держалась на мысли, что итоговое поражение США во вьетнамском конфликте произошло не на поле боя, а внутри американской политической системы и гражданского общества, которые не продемонстрировали должной степени консолидации и мобилизации общественных ресурсов.

Представители либерального направления смотрели негативно на политику интервенционизма, проводимую, в частности, администрацией Р. Рейгана в 1980-е гг., выступая за ограничение применения силы в региональных конфликтах и уменьшение военного присутствия США в мире. Избыточными им также казались и программы помощи странам третьего мира, спровоцированные сформировавшимся по итогам вьетнамской кампании своеобразным «комплексом вины». Либеральная историография тематически нацеливала свои исследования на деятельность американской элиты, президентов и их администраций, оценивая степень взаимовлияния личностей руководителей страны и хода военной кампании (Д. Андерсон) [Anderson]. К примеру, Г. Коммаджер указывал на очевидные противоречия между деятельностью президентских администраций и национальными убеждениями: «Пока мы не избавимся от наших иллюзий универсализма и одержимости коммунизмом и другими идеологическими угрозами, которые, в конечном счете, и послужили вдохновением для нашей войны во Вьетнаме, мы не сможем ослабить президентское злоупотребление властью во внешних делах» [Commager, p. 56].

Обособленными от двух базовых полюсов американской общественно-политической дискуссии оставались позиции в массе своей критически настроенных к официальной риторике публичных деятелей и академических исследователей (марксистская школа, направление психоистории и т. д.). Именно представители этих направлений активно содействовали появлению в общественной и академической дискуссии об итогах войны голосов, исключенных из официального дискурса (семьи ветеранов, вьетнамские беженцы, дезертиры и уклонисты) и обращались к «непопулярным» сторонам вьетнамской кампании (в частности,

уделяли внимание расследованиям по поводу военных преступлений американской армии во Вьетнаме и судебным искам к химическим компаниям от ветеранов, получивших отравления химическими веществами в ходе военной службы во Вьетнаме, и т. п.). К примеру, Г. Зинн, разбирая шумевшее дело лейтенанта Келли и привлекая альтернативные свидетельские источники, отмечал жестокость методов ведения этой войны, вступающую в очевидное противоречие с официальной риторикой «защиты свободы» [Зинн], а Г. Колко видел за событиями Вьетнама причину общего подрыва доверия к власти в США [Kolko].

Представители направления психоистории привнесли в общественные дискуссии исследования ментальных и личностных особенностей руководителей страны, принимавших военно-политические решения, а также показали специфику взаимоотношений американских президентов с различными группами общественного влияния (Р. Шапиро, Л. Якобс) [Jacobs, Shapiro].

Один из идеологов направления психоистории и активный сторонник включения «вьетнамского синдрома» в обновленный американский диагностический стандарт Р. Д. Лифтон отмечал, что характер военной кампании во Вьетнаме был продиктован сочетанием присущей американской нации «тотальной космологии непорочности» (противостоящей абсолютной порочности коммунистической идеологии) и «технизма» (убийство как «работа, которую нужно выполнить»), не считаясь с объемом средств и характером целей), в результате чего американские солдаты, прибывающие во Вьетнам, как и рядовые американцы, следившие через СМИ за ходом военных действий, находились в плену «психоисторической иллюзии» мессианства, искажающей представление о действительности в общенациональном масштабе [Раны сознания, с. 433–434]. В результате концепция «вьетнамского синдрома» позволила исследователям школы психоистории не только описать конкретный симптомокомплекс, связанный с опытом переживаний отдельных участников боевых действий во Вьетнаме, но и зафиксировать определенную ментальную диспропорцию, характеризующую как специфику взаимоотношений общества и элитных групп, так и идейную основу внешне-политического курса США.

При такой поляризации общественных настроений наряду с институциональными участниками обсуждений политических итогов вьетнамской войны заметное влияние приобретали высказывания журналистов и литераторов, создававших автобиографические и художественные очерки по итогам участия в конфликте. Все эти отдельные голоса совокупно не просто выражали критический заряд, направленный против официальной риторики, но и претендовали на право самим (со ссылкой на собственный уникальный опыт войны) оценивать итоги участия США во вьетнамской военной кампании.

Философ П. Боянич отмечает, что любой военный конфликт не стоит рассматривать лишь в качестве угрожающего порядку частной жизни события; война всегда является продуктом коллективной воли, целенаправленным действием, затрагивающим всех участников сообщества, выбравшего применение силы в качестве решающего аргумента в ходе конфликта: «Это вопрос коллективной

интенциональности, согласованных и совместных действий группы людей, это то, что в одиночку (будь то группа или ее представитель) невозможно остановить» [Боянич, 2017, с. 44]. Ключевым аспектом для понимания итогов войны становится институтирующий характер произведенного насилия: «Деяние несправедливое или справедливое (разумное) заключает в себе насилие по той, вероятно, причине, что оно приносит боль и страдание другому (злему, не-праведнику)», и учрежденный на основании применения ограниченного насилия «институт (государство, церковь, сообщество) образует условие свидетельствования, что насилие имело место (и что оно неотвратимо) и что всегда будет существовать извечная ответственность по отношению к нему» [Боянич, 2018, с. 152–153]. В таком случае справедливость — это искомое институциональным порядком жизни качество, ограничивающее предшествующее ему насилие. Это то, к чему стремится сообщество, производя военный конфликт и создавая по его итогам институты.

Стоит отметить, что, хотя военный конфликт и не является исключительным случаем в становлении институтов, он обостряет ключевой вопрос, лежащий в основании любого институционального порядка: почему группа людей, коллектив, выбирает жить вместе? «Ситуация, в которой индивид дает объяснения своим действиям публично и тем самым гармонизирует свои действия с общей позицией или планом, выражает разделяемую всеми оценку этого плана, этого проекта, и указывает способ совместного участия и принятия проекта от имени всей группы» [Vojanic, p. 317]. Боянич использует понятие «проекта» для того, чтобы описать особый вид коллективных событий, которые мобилизуют людей на какое-то определенное действие и в то же самое время учреждают единство этого самого коллектива. Общественное единство нуждается в постоянном возобновлении, и это требует совместного публичного проектирования: и возможного будущего, и совместного пространства сейчас.

Война становится испытанием для институтов, поскольку делает очевидным для всего коллектива, что проектом является не только цель совместных действий, но и сами участники коллектива: «Группа — это тело проекта» [Ibid., p. 318]. Поэтому, наряду с коллективным производством войны, установление порядка послевоенной жизни является таким же общественным проектом. Для указания внутренней динамики постконфликтного состояния Боянич использует понятие контр-института, не как прямого отрицания существующего гражданского порядка, а как своеобразного «псевдо»-отрицания этого порядка [Ibid., p. 11], иными словами, как попытку разместить в рамках институтов то, что ими не охватывается, но что имеет непосредственное отношение к состоянию, предшествующему их возникновению, — состоянию неограниченного насилия. С этих позиций общественная дискуссия в США об итогах вьетнамской войны представляется полем борьбы за право говорить об институтирующем потенциале совершенного от лица американского народа насилия.

В рамках настоящего рассмотрения нам важно будет показать, как институциональные и контр-институциональные агенты решали проблему справедливого

характера применения силы в ходе вьетнамского конфликта и в какой мере темы мира и переустройства гражданской жизни были созвучны их позициям.

Институциональные практики: реабилитация героического образа ветерана

Практически сразу же по завершении конфликта и на протяжении последующих десятилетий в США прикладывались значительные усилия для преодоления последствий «общенациональной травмы», вызванной итогами вьетнамской войны. При администрациях Дж. Форда и Дж. Картера, а особенно активно во времена президентства Р. Рейгана в 1980-х гг. готовились и были реализованы общенациональные проекты, направленные на привлечение интереса широкого круга людей к страницам славной американской истории, создавались мемориальные комплексы и проводились акции, укреплявшие героический образ ветеранов военных конфликтов [Кузнецов]. Дж. Форд в выступлении на встрече Ветеранов зарубежных войн США 19 августа 1974 г. прямо заявлял о том, что государство готово сделать шаг навстречу даже тем, кто уклонялся от призыва и дезертировал, предоставив им шанс на альтернативную службу и на восстановление гражданского согласия [Ford].

В условиях затянувшегося экономического кризиса эффективные шаги в направлении социальной поддержки ветеранов были сделаны уже во времена президентства Дж. Картера: в 1977–1979 гг. запускаются специальные образовательные программы, программы по профессиональной переподготовке и помощи безработным, уделяется внимание психологическому сопровождению пострадавших во время вьетнамской войны и их семей. Во времена президентства Р. Рейгана политика социальной поддержки ветеранов расширяется, и, что более важно для нашего рассмотрения, публичная риторика в отношении ветеранов приобретает однозначный вектор: ветераны Вьетнама — незаслуженно забытые герои американской истории. Уже на официальной церемонии вступления в должность президента США 20 января 1981 г. Р. Рейган упоминает погибших «на безымянных рисовых полях и в джунглях Вьетнама» и других простых американских военнослужащих наряду с отцами-основателями США [Reagan, 20.01.1981], а в выступлении на День ветеранов 11 ноября 1981 г. подчеркивает, оглядываясь на трагический характер вьетнамской войны, что Америка «долго закрывала свое сердце от тех, кто с доблестью служил ей» в то время, как «вьетнамские ветераны занимают законное место в нашей истории среди других американских героев, отдавших свои жизни ради своей страны» [Reagan, 11.11.1981].

Во внутреннем контуре администрация Р. Рейгана реализует целый ряд мероприятий и акций, направленных на увековечивание памяти американских военнослужащих, принимавших участие и погибших во время вьетнамской войны. В 1981 г. в Чикаго открылся Национальный музей искусства ветеранов Вьетнама, входная группа которого символически демонстрировала цену,

которую вынуждена была заплатить американская нация за участие в этом военном конфликте: на потолке были помещены солдатские жетоны числом, равным количеству погибших во Вьетнаме солдат. В 1984 г. на Арлингтонском национальном кладбище выделяется место для захоронения останков «Неизвестного военнослужащего Вьетнама», а в центре Вашингтона на Национальной аллее открывается Мемориал ветеранов Вьетнама, посвященный погибшим и пропавшим без вести в Юго-Восточной Азии солдатам с 1957 по 1975 г., с выгравированным поднебным перечнем имен [Кузнецов, с. 106–109].

При постепенном ослаблении влияния «вьетнамского синдрома» на внутриамериканские процессы в течение 1980-х гг. [Абдульманова, с. 19–20], полемичными для части американского общества по-прежнему оставались содержательные аспекты риторики президентских администраций. Так, журналистка Фр. Фицджеральд, получившая в 1960-е гг. Пулитцеровскую премию за вьетнамские репортажи, отмечала, что с помощью реализуемых программ поддержки ветеранов властями проводится намеренная информационная операция по «моральной реабилитации войны» [Кузнецов, с. 110].

В итоге мы видим, что реабилитация ветеранов Вьетнама проходила не посредством проблематизации справедливости произведенного американским обществом военного насилия и не через признание ошибок со стороны государственных институтов, а в форме институционального почитания ветеранов, которое не предполагало трансформацию базового представления о справедливости на основе приобретенного военного опыта. Институциональные практики славной военной истории определили справедливость через жертву, принесенную ветеранами Вьетнама наравне с другими героями американской военной и политической истории. Обратной же стороной этой жертвы стала травма как результат приобретенного опыта насилия, которое не удается гармонизировать. Масштабирование травмы на уровень нации и поиск коммеморативных механизмов преодоления этого морального поражения выступили позднее идейной основой для возрождения милитаризма, что активно проявилось в рамках неоконсервативного внешнеполитического курса 1980-х гг.

«Окопная проза» как контр-институциональная попытка поиска образа мирного времени

Правительственная риторика в США 1980-х гг., направленная на реабилитацию идеи военной доблести, противостояла той острой критике, которой подверглись эти традиционные представления о долге перед родиной внутри ветеранской прозы — в беллетризованных и автобиографических произведениях, написанных непосредственными участниками боевых действий во Вьетнаме. Выбор именно ветеранской прозы в качестве источника для описания контр-институциональных взглядов на вьетнамскую войну обусловлен прежде всего заключенным в этих текстах специфическим опытом военного насилия, художественная обработка которого является той минимально необходимой

степенью отстранения, позволяющей анализировать недоступные обывателю переживания.

Литература, посвященная вьетнамской войне, исчисляется сотнями названий и охватывает весь спектр возможных тем и жанров. При этом большая часть произведений содержит в том или ином виде критику американской военной кампании. Из числа наиболее известных провоенных произведений, героизиовавших солдат США, следует назвать «Зелёные береты» Р. Мура (1965) [Moore], а также большую серию романов Д. Шермана, начатую в 1980-е гг. («Ножи в ночи» и др.) [Sherman]. В группе художественных произведений, выражающих сомнения в осмысленности войны и рассуждающих о том, можно ли сбежать из нее, выделяются «Земля миллионов слонов» Э. Бейбер (1970) [Baber], «Вслед за Каччиато» Т. О'Брайена (1978) [O'Brien] и «Сады камней» Н. Проффита (1983) [Proffitt]. Попыткам осмыслить опыт войны уже после ее завершения и неудачным попыткам ветеранов вновь найти свое место в мирной жизни посвящены романы «Медитации в зелени» С. Райта (1983) [Wright], «Дау» Э. Доджа (1985) [Dodge], «Первая кровь» Д. Морелла (1972) [Morrell]. Среди многочисленных автобиографических текстов и сборников воспоминаний ветеранов стоит обратить внимание на романы Г. Хэсфорда «Старики» (1979) [Hasford], Ф. Капуто «Военный слух» (1977) [Caputo], М. Герра «Репортажи» (1977) [Herr], Л. Хайнманна «Ближний бой» (1977) [Heinemann] и сборник ветеранских воспоминаний А. Сантоли «Всё, что было у нас» (1981) [Santoli].

Разумеется, в объеме статьи охватить вниманием все значимые ветеранские тексты затруднительно, однако наша задача заключалась в том, чтобы показать, какой именно образ военного насилия «окопная проза» противопоставляла институциональному почитанию солдат. Для этого мы выбрали из множества текстов те, которые появились в конце 1970-х гг., стали первой постконфликтной рефлексией событий вьетнамской войны и при этом были достаточно известны, чтобы претендовать на роль контр-институционального голоса. Реконструируемый на основе этих текстов образ войны практически лишен идеологической окраски; основным интересом авторов-ветеранов войны является слом привычного порядка жизни, который переживали все участники этого военного конфликта.

Одним из главных произошедших с ними на войне изменений авторы называют своеобразное отчуждение от «дома» и гражданской жизни. Г. Хэсфорд в романе «Старики» (1979) многократно показывает, как военное насилие меняет понимание привычных желаний у морпехов. Наблюдая за тем, как один из курсантов разговаривает со своей винтовкой и шепчет ей комплименты, главный герой вспоминает: «Мне в голову приходят мысли о Ванессе — девчонке, которая осталась дома. Мне представляется, что мы на речном берегу, закутались в наш старый спальник... Но любимые фантазии мои потеряли все свое очарование» [Hasford, p. 27]. Позже в повествовании, когда герой будет находиться уже во Вьетнаме, это обособление от «обычных» желаний будет проговорено им с большей ясностью: «В письмах из родной Америки, таких же, как полудюжина

тех, что я таскаю в рюкзаке так и не распечатав, будет написано: Пиши почаще будь осторожен <...> купили подержанную машину <...> маме делают уколы <...> и так далее, пока тебе не покажется, что развернул письмо — а это “Дорогой Джон” от всего этого проклятого мира» [Hasford, p. 179–180].

Апофеозом такого отчуждения от содержания жизни за пределами войны становится многократно отмечаемая героем привычка к смерти. С того момента, как солдат привыкает к ней, желания из прежней, мирной жизни утрачивают привлекательность. Безразличие ко всему, что не находится в контексте смерти каким-либо образом, становится постоянным: «После первого противника, записанного на личный счет, я начал понимать, что понимать не обязательно... Своими пулями я сам себя сделал тем, кем стал, кровь запятнала мою янки-дудлевскую мечту о том, что у всего будет хороший конец, и что, когда закончится война, я вернусь в родную Америку в белом шелковом мундире, невообразимо бравый, этакий Иисус военного образца» [Ibid., p. 133].

Идентификация с опасностью и смертью стали способом вырваться из ловушки, которой стала для американских солдат эта война. Ф. Капуто в романе «Военный слух» (1977) пишет о болезненной эйфории, которая охватывала солдат по время боевых выходов: «На земле судьба пехотинца хоть как-то зависит от него самого. В вертолете под обстрелом у него даже иллюзии этой нет... Он страстно стремится оказаться на земле, однако желание это противоречит осознанию того, что там опасно. Эта эмоциональная война порождает настолько сильное внутреннее напряжение, что его можно сравнить с сексуальным. Его нельзя переносить долго — настолько оно болезненно. И солдат может думать лишь о том мгновении, когда сможет покинуть это заключение... Все остальные соображения... становятся настолько абсурдными, что значат уже меньше, чем ничего... Он выпрыгивает из вертолета навстречу бешеному катарсису» [Caputo, p. 294]. Капуто описывает многочисленные случаи, когда солдаты оказывались захвачены насилием и спустя некоторое время, успокоившись, с трудом могли осознать, что именно они совершили то, что совершили.

Второй существенной чертой нового понимания солдатами самих себя авторы называют утрату чувства единства со своей страной, и особенно — с официальными властями. Характерно употребление персонажами слова Мир для указания на жизнь в Америке [Hasford, p. 43]: отдельная реальность, почти ничем не связанная с реальностью жизни во Вьетнаме. Попытки людей из Мира проникнуть в реальность Вьетнама всегда подвергаются ироническому разрушению: «Капитан Январь шлепает рукой по большому мешку, который лежит на полу возле стола: “А вот законченный продукт нашей индустрии. Моя жена любит проявлять интерес к моей работе. Сувенир попросила прислать. Я решил ей гука отправить”» [Ibid., p. 62]. Ирония во всех случаях акцентирована таким образом, чтобы противопоставлять солдат остальным людям из Америки по признаку способности или неспособности признаться в том, что война и смерть — это именно то, чего все хотят: «“Сознайся, капрал, сознайся, ты ведь хочешь мира”. Я исполняю для него “Короткую паузу”. “А полковник разве не хочет мира...”

Сэр?” Полковник медлит с ответом. “Сынок, нам всем следует не терять головы до тех пор, пока эти пацифистские поветрия не рассеются”. “То есть ответ отрицательный... Сэр?”» [Hasford, p. 138].

Этот разрыв не позволял солдатам идентифицировать себя с образом рыцаря в крестовом походе во имя своей Родины: «Я подписал свой личный мир, и просил лишь об одном: чтобы мне дали жить по моим собственным правилам... Не Ви-Си угрожали лишить меня свободы, а правительство Соединенных Штатов. Никогда больше я не позволю себе попасть под влияние заклинаний и чар политических колдунов-шаманов вроде Джона Ф. Кеннеди» [Caputo, p. 332]. Опыт военного насилия, причиненного и испытанного, оказался нетранслируемым за пределами тех условий, которые произвели сам этот опыт. Попытки ветеранов отстаивать военную правду перед своими согражданами сталкиваются, по словам Капуто, прежде всего с внутренним непониманием целей такой борьбы. Ветераны не хотят разделить военный опыт с остальной Америкой, поскольку она стала для них обобщенным агентом институционального насилия, которому они подверглись во Вьетнаме.

В условиях смысловой изоляции американские военные во Вьетнаме начинали подвергать сомнению свое право говорить от имени цивилизованного мира перед местным населением и формировали различные формы идентификации уже с самими вьетнамцами. А. Сантоли в сборнике ветеранских воспоминаний «Всё, что было у нас» (1981) приводит большое количество случаев испытанного солдатами культурного шока. В условиях партизанской войны, не имея возможности четко определить враждебные и мирные территории, американцы вынуждены были применять насильственные методы фильтрации: «В общем, мы что делали? Или переманивали деревню на свою сторону, или вывозили людей, сжигали деревню, расселяли людей по концентрационным лагерям и определяли то место зоной свободного огня. Поскольку теоретически все мирные жители из того района были вывезены, все, кто был “там”, считались противником. И это давало нам право днём и ночью швырять артиллерийские снаряды в том направлении, и, само собой, там были по преимуществу мирные жители» [Santoli, p. 50]. Это состояние исключало возможность для солдат определять себя как «хороших парней», участников справедливой войны, и давало основания для возникновения новой идентичности, ключевым элементом которой было насилие: «“Хряки не скоты. Мы просто делаем свое дело... Гуки тоже хряки, как и мы. У них есть свои крысы-служаки, которые правят их страной, и у нас есть крысы-служаки... Мы друг друга убиваем, это само собой, но мы друзья... Мы веселые зеленые гиганты, мы бродим по земле с оружием в руках. Нам никогда уже не доведется повстречать людей лучше» [Hasford, p. 92–93].

Двойственность своего статуса: агентов цивилизации, которым позволено совершать абсолютно нецивилизованные поступки, — американские солдаты символически обозначали с помощью сопоставления Вьетнама с Диким Западом. На это обращает внимание в своем романе «Репортажи» (1977) М. Герр: «Пошли, — сказал капитан, — возьмем вас поиграть в ковбоев и индейцев»

[Herr, p. 60]. Вьетнам, с точки зрения Герра, стал для солдат фронтиром — территорией, на которой не действуют привычные моральные и законные ограничения, в силу чего статус местного населения всегда оставался для них не до конца проясненным [Дуров]. Многие авторы-ветераны, к примеру Л. Хайнманн в романе «Ближний бой» (1977), и вовсе описывают вьетнамцев как некую стихийную угрожающую американцам силу, не вполне человеческую, которую можно остановить только насилием [Heinemann].

Ненависть к себе за совершаемые преступления, обусловленные выживанием, соединяемая с ненавистью к своему начальству, отрицающему преступный характер этих действий, соединенная также к ненавистью к Вьетнаму в целом как пространству смерти и разоблачения идеалов и иллюзий «домашней» жизни, — настолько глубоко дезориентировали солдат, что они интуитивно отвергали любой содержательный дискурс о войне: «Все там его приветствовали, поздравляли, и я тогда задумался — они пытаются запрятать его под своими приветствиями, тортом, кофе, выпивкой... Никто не давал ему о том рассказать — все типа “Здорово, ты герой, ты снова дома”, — а я думаю, ему нужно было сначала как-то излить свои чувства, а всё было устроено не так» [Santoli, p. 230–231].

Диссонанс, дискурсивный и смысловой, в котором были вынуждены пребывать солдаты, провоцировал возникновение противопоставления боевого товарищества всем остальным формам солидарности, с которыми ассоциирован солдат: «Мне в голову пришла мысль о дезертирстве. Конечно же, я понимал, что это невозможно <...> меня удерживали обязательства перед взводом. Я бы дезертировал от них, моих друзей. В этом состояло настоящее преступление» [Caputo, p. 247]. Принадлежность стране, своему народу, лояльность государству утрачивают ценность для солдат, поскольку никто, кроме них самих, не может разделить с ними правду о войне. Мы видим, что между военной правдой и образом войны, который должен презентоваться публично, для авторов-ветеранов нет не только смысловых соответствий, но даже и терминологических пересечений.

Выводы

Сопоставление институционального и контр-институционального ответов американского общества на опыт вьетнамской войны может привести нас к представлению о послевоенной культуре в США как к конфликтному полю, выражающему лишь полярные позиции лояльности или отказа от лояльности правительству и официальной идеологии. Однако соотношение проектов реабилитации героического образа ветерана и глубокой антивоенной критики со стороны самой ветеранской среды в действительности более сложное.

Ветеранская проза описывала Вьетнам как пространство фронта — ничем не сдерживаемого и не урегулированного насилия. Правительственные институты, сделав победу в войне своим главным фокусом, не уделили достаточного внимания внеинституциональному характеру того насилия, в которое были погружены солдаты США. Боевой опыт не удалось полноценно вместить

в героический образ ветерана, поскольку вопрос справедливости этой военной кампании оставался полемичным.

Однако мы не можем возложить ответственность за отказ от поиска новых параметров совместной гражданской жизни только на институты. Несмотря на свою включенность в публичные дискуссии, ветеранское движение не предлагало какого-либо альтернативного взгляда на границы справедливого насилия. Основным выводом, который высказывается в ветеранской прозе, является идея отказа от активного политического участия. Столкнувшись с институтами как исходной причиной пережитого ими насилия, ветераны Вьетнама предпочитали не обращаться к ним с требованием измениться. Травма войны для них стала основанием отказа от самой идеи справедливого насилия. Институты не были готовы проблематизировать справедливость, а контр-институты оказались не готовы к тому, чтобы сделать свои представления о справедливости частью публичного дискурса.

Несмотря на то, что исследовательская традиция в США предложила множество подходов к описанию и объяснению последствий вьетнамской войны, все они могут быть соотнесены с одной из сторон в конфликте институциональных и контр-институциональных агентов. Представители консервативной и либеральной историографии были заинтересованы в объяснении причин поражения в войне и кризиса доверия к власти, что фактически делает их частью институционального процесса восстановления национального престижа. Представители критического направления, в частности, психоисторической школы, концентрировавшие свои исследования вокруг образа травмированной нации, обеспечили на теоретическом уровне возможность легитимизировать специфический военный опыт в рамках локальных ветеранских сообществ, но тем самым ограничили доступ к этому опыту для широкой культуры пределами академического языка.

Таким образом, на уровне публичной риторики в послевоенное десятилетие в США мы обнаруживаем ситуацию, в которой ни один из участников общественной дискуссии не выступал с действительным проектом нового устройства мирной гражданской жизни. Правительственные усилия были сосредоточены на восстановлении *status quo* на внутренней и внешнеполитической арене, а усилия критически настроенной к правительству группы ветеранов вьетнамской войны были сконцентрированы на гармонизации самих себя в условиях той гражданской жизни, от которой они оказались оторваны специфическим опытом насилия. Ни одна из сторон дискуссии не была способна сформулировать проект жизни вместе, который подходил бы для содержательного изменения общества и позволил бы институционализировать пережитое страной военное насилие.

Источники

Раны сознания. Амер. писатели и журналисты об агрессии США во Вьетнаме : худож. публицистика / пер. с англ. ; вступ. Алексея Хамадана. М. : Прогресс, 1985.

- Baber A.* The Land of a Million Elephants. New York : Morrow, 1970.
- Caputo P.* A Rumor of War. New York : Henry Holt and Co, 1996.
- Dodge E.* DAU: A Novel of Vietnam. New York : Macmillan, 1984.
- Ford G.* Speaking before the Seventy-Fifth Annual Convention of the Veterans of Foreign Wars // Chicago Tribune, August 20, 1974. URL: <http://www.connectingthewindycity.com/2018/08/august-19-1974-president-gerald-ford.html> (date of access: 01.06.2024).
- Hasford G.* The Short-Timers. New York : Bantam Books, 1988.
- Heinemann L.* Close Quarters. New York : Farrar, Straus, Giroux, 1977.
- Herr M.* Dispatches. New York : Alfred A. Knopf, 1977.
- Moore R.* The Green Berets. New York : Crown Publishers, 1965.
- Morrell D.* First Blood. New York : M. Evans and Co., 1972.
- O'Brien T.* Going After Cacciato. New York : Delacorte Press, 1978.
- Proffitt N.* The Gardens of Stone. New York : Carroll & Graf, 1983.
- Reagan R.* First Presidential Inaugural Address. 20.01.1981 // American Rhetoric. Top 100 Speeches. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreagandfirstinaugural.html> (date of access: 01.06.2024).
- Reagan R.* Remark of Ceremony Commemorating the Initiation of the Vietnam Veterans Leadership Program. 11.11.1981 // RONALD REAGAN Presidential Library & Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/remarks-ceremony-commemorating-initiation-vietnam-veterans-leadership-program> (date of access: 01.06.2024).
- Santoli A.* Everything We Had. New York : Ballantine Books, 1983.
- Sherman D.* Knives in the Night. New York : Ivy Books, 1987.
- Wright S.* Meditations in Green. New York : Charles Scribner's Sons, 1983.

Исследования

- Абдульманова Л. Ш.* Фактор «вьетнамского синдрома» в политике президентов США (середина 1960-х — 1990-е годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Казанский гос. ун-т. Казань, 2000.
- Боянич П.* Справедливая институция. Как (и когда) положить конец войне (войнам)? Роль пацифизма // НАУКА. ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА. 2017. Вып. 3(15). С. 44–58.
- Боянич П.* Насилие и мессианизм / пер. с фр. О. Волчек. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2018.
- Дуров Б. Ю.* Американцы и война в книге Майкла Герра «Репортажи» // Известия ВГПУ. 2018. № 1 (278). С. 176–179.
- Зинн Г.* США после II мировой войны: 1945–1971 гг. М. : Прогресс, 1971.
- Кузнецов Д. В.* Невоенные методы преодоления «вьетнамского синдрома» в США в 1973/1974–2015 гг. // Американский ежегодник 2015. М. : ЛЕНАНД, 2016. С. 99–126.
- Anderson D.* Shadows on the White House. Presidents and the Vietnam War, 1945–1975. Lawrence, Kansas : Univ. Press of Kansas, 1993.
- Bojanic P.* In-Statuere. Figures of Institutional Building. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2022.
- Bundy M. C.* Vietnam, Watergate and Presidency Powers // Foreign Affairs. 1979. Vol. 58, No. 2. P. 397–405.
- Colby W. E., McCargar J.* Lost Victory: A Firsthand Account of America's Sixteen-year in Involvement in Vietnam. Chicago ; New York : Contemporary Books, 1989.
- Commager H. S.* The Defeat of America: Presidential Power and the National Character. New York : Simon & Schuster, 1974.

Jacobs L. R., Shapiro R. Y. Presidential Manipulation of Polls and Public Opinion: The Nixon Administrations and the Pollsters // *Political Science Quarterly*. Winter 1995/1996. Vol. 110, No. 4. P. 519–538.

Kolko G. *Anatomy of a War: Vietnam, the US and the Model Historical Experience*. New York : New Press, 1994.

Podhoretz N. *Why We Were in Vietnam*. New York : Simon & Schuster, 1982.

References

Abdul'manova, L. Sh. (2000). *Faktor "v'etnamskogo sindroma" v politike prezidentov SShA (seredina 1960-kh – 1990-e gody)* [The “Vietnam Syndrome” Factor in the Policy of US Presidents (mid-1960s – 1990s)] (doctoral dissertation abstract). Kazan State University, Kazan.

Anderson, D. (1993). *Shadows on the White House. Presidents and the Vietnam War, 1945–1975*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas.

Bojanic, P. (2017). Spravedlivaia institutsiia. Kak (i kogda) polozhit' konets voine (voinam)? Rol' patsifizma [Just Institution. How (and When) to End the War(s)? The Role of Pacifism]. *NAUKA. ISKUSSTVO. KULTURA*, 3(15), 44–58.

Bojanic, P. (2018). *Nasilie i messianizm* [Violence and Messianism]. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi.

Bojanic, P. (2022). *In-Statuere. Figures of Institutional Building*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.

Bundy, M. C. (1979). Vietnam, Watergate and Presidency Powers. *Foreign Affairs*, 58(2), 397–405.

Colby, W. E. (1989). *Lost Victory: A Firsthand Account of America's Sixteen-year Involvement in Vietnam*. Chicago, New York: Contemporary Books.

Commager, H. S. (1974). *The Defeat of America: Presidential Power and the National Character*. New York: Simon & Schuster.

Durov, B. Yu. (2018). Amerikantsy i voina v knige Maikla Gerra “Reportazhi” [Americans and War in Michael Herr's Dispatches]. *Izvestiia VGPU*, 1 (278), 176–179.

Jacobs, L. R., & Shapiro, R. Y. (1995/1996, Winter). Presidential Manipulation of Polls and Public Opinion: The Nixon Administrations and the Pollsters. *Political Science Quarterly*, 110(4), 519–538.

Kolko, G. (1994). *Anatomy of a War: Vietnam, the US and the Model Historical Experience*. New York: New Press.

Kuznetsov, D. V. (2016). Nevoennye metody preodoleniia “v'etnamskogo sindroma” v SShA v 1973/1974–2015 gg. [Non-military Methods of Overcoming the “Vietnam Syndrome” in the USA in 1973/1974–2015]. *Amerikanskii ezhegodnik*, 99–126.

Podhoretz, N. (1982). *Why We Were in Vietnam*. New York: Simon & Schuster.

Zinn, G. (1971). *SShA posle II mirovoi voiny: 1945–1971 gg.* [The United States after World War II: 1945–1971]. Moscow: Progress.

Сысолятин Антон Андреевич

кандидат философских наук,
доцент департамента философии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: anton.sysoliatin@urfu.ru

Sysolyatin, Anton Andreevich

PhD (Philosophy), Associate Professor
Department of Philosophy
Ural Federal University
51 Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: anton.sysoliatin@urfu.ru
<https://orcid.org/0009-0000-5059-6744>